

Эйшель Антонов г. Архангельск

Икра пинагора

Часть 1

– Ты почто за бутыль схватился? Душа твоя окоянная!¹ С утра запивать собрался? Не дам!

– Ты, жоночка, осторожнее окоянну-то душу поминай. Не перехвати лишку с ругонью-то. Душу-то ругать – это тяжкий бой, изувечить можно.

– Сам ты душу-то свою калечишь, на грудь-то с утра принимаешь!

– Это ж лекарство, чтоб боль треклятую унять!

Саша проснулась. Да и как не проснуться, когда бабушка с дедушкой опять бранятся. Девочка открыла глаза.

Яркие лучи солнышка проскальзывали в окошко и играли солнечными зайчиками на широких половицах. Саша вытянула руку и поймала жёлтенького зайчика. Зайчонок был тёплым-тёплым.

– Хорошо-то как!

Хорошо было раньше, когда дедушка с бабушкой жили душа в душу. Конечно, бывало, что бабушка поругивала деда, но не каждый день, а по случаю. Всё-таки она была главной в доме, большухой. В поморских деревнях завсегда старшая хозяйка всем заправляла. Мужики то в море, то на рыбном промысле, то на зверобойном, а женщины в доме хозяйничают. Тут глаз да глаз нужен за старыми да малыми. Без большухи-то никак не обойтись.

Многие годы бабушка заправляла хозяйством в доме. Одним словом – бравина². Её беспрекословно слушали все: как дед, так и сын его, Сашин отец, и невестка, мать Саши, и Саша тоже. Дед-то любил девочку побаловать, то вкусеньким, то игрушкой какой, с моря завсегда с подарочком возвращался. А бабушка – ни-ни, строжила Сашу, чтобы не росла ленивой да пустоголовой. Девочка старалась угодить бабушке, а дедушку жалела.

Хотя чего жалеть-то? Могутный³ дедушка был, в силе уступки никому не давал, работал наравне с молодыми.

Так вот они и жили впятером. Не беззаботно, конечно, хватало забот-то. Работали, рук не покладая. И Саша с раннего детства была к делу привыкшая, навычка⁴ к хозяйству имелась. Она и не роптала. А разве можно жить по-другому? Конечно нет!

Всё переменялось в один момент. Рыболовецкий колхоз развалился. Многие уехали, остальные стали работать в одиночку. Да разве ж ходят в море в одиночку? Так ведь и сгинуть можно!

Так вот и Сашиного отца море взяло. Один в море пошёл. Взводень⁵ с маху со спины его накрыл. Проморгал он его малость. Перевернутую лодку нашли выброшенной на берег, а рыбака так и не нашли. Забрало море и не отдало. Не он первый, не он последний. Многих поморов море взяло без возврата.

Сашеньке тогда всего десять годочков было. Теперича ей уже четырнадцать в

¹ Гемп К.П. Сказ о Беломорье [Текст] : словарь поморских речений / К. П. Гемп ; РАН, Мин. образов. и науки РФ, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), ПГУ. - 2-е изд., доп. - Архангельск: ПГУ; М.: Наука, 2004.

² *Бравина* – статная красивая строгая женщина.

³ *Могутный* – сильный, могучий, здоровый.

⁴ *Навычка* – опыт.

⁵ *Взводень* – высокая крутая волна при сильном ветре, шторме.

июне будет. А тогда она мала ещё была, не всё понимала, да всё примечала.

Приметила, как в один момент согнуло дедушку, уменьшился он в размерах. Лицо потемнело, всё какую-то думу думает и думает. Корил дед себя за то, что сына одного в море отпустил, что с ним не пошёл. Может, вдвоём и совладали бы они со шквалом. А может, и нет. Тогда оба сгнули бы.

Токмо¹ при общении с Сашенькой его лицо озарялось улыбкой. Он неуклюже прижимал внучку к себе, гладил её мозолистой рукой по голове. И как в старые времена приносил ей то гостинец, то подарочек.

Бабушка оставалась всё такой же крепкой и властной. Токмо иногда, оставаясь одна, она могла позволить паре слезинок выскочить из глаз и пробежаться по круглой щеке. Опосля смахнёт их уголочком платка да дальше работать идёт.

Мама сильно горевала по любимому. Работы в селе найти не могла. Оттого ещё сильнее сухота² её донимала: вдвоём на шее у мужниных родителей. Подалась в Северодвинск, нашла себе работу. Да вот только жить негде было, мыкалась по чужим углам.

Звала Сашу к себе. Та и поехала. Потерялась она в городе, домов много, все на одно лицо. У них-то в деревне все дома разные, у каждого хозяина своя изюминка припасена. Вроде как все сделаны по одному проекту, да не все одинаковые. Вот у дедушки все наличники резные. Любо, загляденье. Ни у кого в Лопшеньге таких нет.

А тут, в городе, всё едино. Не разберёшь, где твой дом, а где чужой. Стены каменные, холодные, воздух спёртый, дышать нечем. А комнатка совсем малюсенькая. Куда же втроём в такой жить?

Мама к тому времени нашла себе мужчину.

– Ну и пушай, молодая ещё. Не до конца же жизни ей одной мучатся, – сказал дедушка.

– Как одной? Я же с ней! – ревниво заявила Саша.

– Каждой бабе мужик надобен. Ребёнок само собой тоже надобен, да без мужика ни-

как. Ты, девка, тамотка³ не ярись. Застить⁴ матери не надобно.

Саша и не собиралась никому мешать. Приехала, познакомилась. Отчим человек был незлобивый, тихий. Мать, как бабушка, была властной, в доме хозяйкой.

Хотя какой там дом-то? Комнатёнка. Однако всё устроено по уму: туточки кухня, туточки столовая, туточки спальня, туточки гостиная. Всё узкими полками перегороджено. Оттого комната совсем комнатёночкой смотрелась.

То ли дело дом у дедушки с бабушкой: пятистенок в пять окон по переду. Кухня-столовая с русской печкой и большим круглым столом. Горница светлая, большая, в окна ветер морской, гуляя, заходит. По другой стороне две большие комнаты: бабушки с дедушкой и Сашина. На заднем дворе огромная поветь, хоть на лошади по ней скачи, а под ней нижний двор ещё.

А стены деревянные. Рукой прикоснёшься, а они тебя теплом греют, словно живые. Не то, что сырой да холодный городской камень. И дышится в деревянном доме легко.

Не понравилось Саше в городе, да ничего не сказала никому, не хотела маму расстраивать. Может, конечно, свыклась бы с городом, ужилась бы, но ещё одно буквально выгнало её из города.

Негоже ребёнку, подростку уже, с родителями в одной комнате спать. Ночь длинна, да просыпалась Сашенька всегда рано, с первым лучиком солнышка. А слух у неё завсегда был отменный. Может, услышала что-то не то, а может, себе лишнего надумала, но не захотела больше в городе оставаться. Уехала обратно в Лопшеньгу.

Её родная деревня располагалась на Онежском полуострове, на Летнем берегу шолоничного⁴ побережья Двинской губы Белого моря, примерно в ста пятидесяти километрах от города Архангельска.

Дедушкин дом был на первой линии. Прямо из дома Саша могла в голомень⁵ вый-

³ Тамотки – не здесь, в другом месте, в другое время.

⁴ Застить – мешать.

¹ Шолоничная сторона – юго-западное направление, SW.

² Голомень – направление в сторону открытого моря.

¹ Токмо – только.

² Сухота – беспокойство, грусть, тоска.

ти. На простор. А там песочек чистенький. Море ласково волны на бережок посылает, убаюкивает. Чайки над водой парят, словно ангелы.

Деревня старозаветная. На этом месте давным-давно, более пяти тысячелетий назад, поселились люди. Об этом свидетельствуют иногда выбрасываемые морем кремниевые наконечники стрел и копий. Народ тот прозывал себя «лопь», по-научному «саамы».

Потомки лопарей и сейчас ещё живут по берегам Белого моря. Один такой мальчик учился вместе к Сашей в Пертоминской школе. Он был низкорослый, плотного сложения и очень разговорчивый. Саша всегда заливалась мелодичным, как колокольчик, хохотом, когда он спрашивал у учительницы математики: «Кака задача-то?»

Деревня-то у них в две линии. Прямо за домами – горы. За ними – лес, а в лесу – красивейшее озеро Лопшенское. Из озера вытекает река Белая, ближе к морю превращаясь в реку Голодеиху. На карте река носит название Лопшеньга. Лопшеньга – саамская река. Только никто из лопшарей так реку не называет. Белая – она и есть Белая, а Голодеиха – Голодеиха, и никакой Лопшеньги нет. А вот деревню свою прозывают красиво и величественно – Лопшеньга!

Саша откинула одеяло, встала с постели. Скинула ночнушку, надела платье. Подошла к зеркалу. Роста она была невысокого, телосложения крепкого, как все поморки. На круглом её лице уже появились предвестники начала лета – веснушки. Особенно много их было на курносом носике. Девочка прищурила серые глаза и критически посмотрела на саму себя. «Ладная ты у меня, девка, хорошая», – частенько говаривал ей дедушка.

Саша ничего такого в себе не находила, не всегда была довольна собой, но дедушке не перечила. Девочка взяла гребень и стала расчёсывать волосы. Это была её гордость: длинные светло-русые волосы доходили до самого пояса. Как заплетёт их Сашенька в две толстые косы – любо-дорого смотреть. На девочку засматривались не только маль-

чики в школе, но и парни постарше. Но она себя блюла, сердце своё ещё никому не отдала.

Закончив заплетать косы, Саша прошла на кухню. Бабушка хлопотала у русской печи.

– Доброе утро, – внучка обняла бабушку и чмокнула её в щёку.

– Доброе утро. Как спалось?

– Хорошо.

Саша умыла лицо, промыла глаза, вытерлась браным¹ полотенцем. Прошла в комнату дедушки и бабушки.

Дедушка лежал на кровати с закрытыми глазами. За годы после смерти сына он совсем иссох. Кожа да кости. Волосы все выпали.

Когда дедушка заболел и стал сохнуть, бабушка отвезла его сразу в Приморскую поликлинику, оттуда его отправили в областную, а затем в онкологический диспансер. Саше так понравилось это словосочетание. Оно было благозвучным, и девочка сразу поверила, что там дедушку обязательно вылечат.

Его действительно вылечили, он выздоровел и вернулся к обычной рыбацкой жизни. Но очень скоро боли в животе вернулись. Дедушка терпел, не хотел никому говорить. А потом, когда правда открылась, заупрямился и не захотел снова ехать в диспансер. Токма когда боль совсем стала нестерпимой, бабушка увезла его в больницу.

Дедушке сделали операцию, и через некоторое время он вернулся домой. Сил у него совсем не было. Он, конечно, ходил по дому, хозяйничал, но в море больше не выходил. Боли не утихали. В деревне у них была только одна медичка, фельдшер. Она специальных лекарств для обезболивания выписывать не могла, не потому что не хотела, а потому что права не имела. А в город за рецептами и лекарствами не наездишься – тучки никакой пенсии не хватит.

Дедушка стал пить горькую, заглушая боль. Спиртное-то можно было купить лег-

¹ Браный – тканый с узором. Браные скатерти обрамлялись по всему полю или кайме, полотенца – на конце.

ко, это же не лекарство. Бабушке это не нравилось, вот она и ругала его непрестанно.

Саше тоже это не нравилось. Дедушка от боли иной раз меры не знал. Чекушку, бывало, зараз залпом глотком вычекает, не поперхнётся. Токма девочка старалась брать его лаской, а не руганью.

Саша присела к деду на кровать, взяла его руку в свою. Рука у дедушки была большая, жилистая. Пальцы не разгибались, как будто он всё время сжимал рукоятку гребного весла. Крупные толстые синюшные вены рельефно выступали на тыльной стороне.

Дедушка почувствовал тепло её руки и проснулся.

– Санюшка!

Он улыбнулся широко и приветливо. Саша погладила его по щеке. Щетина щекачала ладонь. Лицо деда было несимметричным. Во время войны после окончания Соловецкой школы юнг он служил на Северном флоте боцманом на торпедном катере. Осколок снаряда попал ему в кость между носом и глазом, раздробив её. Хирург, насколько смог, собрал кости воедино, но всё равно на лице была заметна вмятина и шрам.

Внешне дедушка был похож на пирата. Ему не хватало токма повязки на глаз. Но тогда бы он стал похож на киношных адмирала Нельсона или светлейшего князя Кутузова, которые вовсе и не носили повязки на глазу.

На самом деле, а это Саша вычитала в одной книжке, здоровые моряки иногда закрывали один глаз повязкой для того, чтобы, спустившись в тёмный трюм, лучше видеть в полутьме этим глазом, если быстро снять повязку. Ведь глаз, закрытый повязкой, уже адаптировался к темноте, поэтому ему не нужно было время для привыкания. Таким образом, моряк получал выигрыш во времени, что было очень важно в бою. А дедушка своё уже отвоевал.

Дед взял Сашину ладонь и погладил пальцем. Девочка улыбнулась. Дедушкина ласка была немного грубоватой, но столь приятной.

– Дедушка, не пей больше! Я очень тебя прошу!

Сашино лицо в один миг стало грустным. На глаза навернулись слёзы. Она знала, что дед очень не любил, когда она плакала, особенно когда причиной её страданий был он.

– Не бойсь, Санюшка, не буду я больше пить. Сегодня не буду.

– Вот и ладно, – девочка улыбнулась.

– Ты токма не бойсь. Это со всеми происходит. Каждому назначен его час. У меня к тебе есть просьба, Санюшка!

– Какая просьба?

– Обещай, что попробуешь исполнить.

– Обещаю!

– Токма, если не получится, то ты себя не кори.

– Не буду. А какая просьба?

– Хочется мне икры пинагора поесть напоследки.

– Икры пинагора?

– Да.

– Хорошо, дедушка, я попробую найти тебе икры пинагора.

Саша прижалась к деду, чмокнула его в щёчку и выскочила на кухню. Бабушка как раз вытаскивала на деревянной лопате противень с шаньгами из русской печи.

Тут девочка вспомнила одну байку, которая ходила по деревне и была связана с её названием. Говорили, что когда молодой русский царь Пётр I на яхте шёл из Архангельска на Соловки, то попал в сильный шторм. Царь уже готовился к смерти, но искусный кормщик Антон Тимофеев смог ввести яхту в Унскую бухту около Пертоминского монастыря. В память о чудесном спасении Пётр собственными руками сделал крест в полторы сажени вышиной и поставил на том месте, где вышел на берег. На кресте царь вырезал надпись на голландском: «Сей крест сделал шкипер Пётр в лето Христово 1694».

А расстояние от Пертоминска до Лопшеньги всего-то сорок километров. Когда море угомонилось, Пётр продолжил свой путь. Моряки в ту пору во всякое время шли близ берега, чтобы при случае завсегда спастись на берегу. Завидев большую деревню, царь приказал причалить к берегу.

Из одного большого дома приятно пахло свежее испеченным хлебом. Пётр зашёл в

дом. Большуха плоской деревянной хлебной лопатой вынимала шаньги из русской печи.

– Это что? – спросил царь.

– Лопата.

– Это что? – указал Пётр на выпечку.

– Шаньга.

– Лопшаньга?

– Лопшеньга.

Якобы с тех пор и стали называть деревню Лопшеньгой. Но это всего лишь байка, а деревню так называли задолго до поездки Петра I по Белому морю.

– Поди козу обряди, – обратилась к Саше бабушка. – Пойло приготовлено.

– Хорошо.

Саша надела фартук, чуни, взяла ведро с пойлом, подойник и побежала через нижний двор в хлев. Милка встретила её радостным: «Ме-е-е-е!». Два её козлёнка в соседней стайке вторили ей тонкими голосками. Девочка вылила пойло в корыто. Коза сразу стала вылавливать самые вкусные кусочки, вода мордой по поверхности и ныряя в самую глубину.

– Милка! Не вредничай!

Коза повернула голову и внимательно посмотрела на девочку своим щелевым зрачком.

– Ешь всё подряд, пошто вкусенькое выбирашь?

Коза даже глазом не моргнула, продолжая в том же духе. Саша не стала спорить: будешь козу костить¹, молока от неё не увидишь, не отдаст.

– Милочка, будь хорошей девочкой, покушай, а я тебя подою, опосля козляточек покормлю.

Коза стала быстро уплетать всё, что было положено в корыто.

– Вот и ладненько, – сказала сама себе Саша. – Лаской-то более добьёшься, чем руганью.

Девочка быстро подоила козу, часть молока смешала с оставленным в ведре пойлом и вылила козлятам в корыто. Те сноровисто стали чавкать. Содержимое корыта быстро убывало. Саша любовалась на козлят: такие они были ладненькие, красивые.

Козлик был тёмный, скорее всего в отца, а козочка – вся в мать – беленькая.

– Ну вы тут отдохните, а я опосля вас на выгон выведу.

Девочка прибежала в кухню, процедила молоко в банку, вымыла подойник и ведро для поила.

– Саша, садись за стол, почаёвничаем.

– А дедушка?

– Спит он, угомонился. Опосля попьёт, как проснётся.

На полу у печи забренчал самовар. Вода в нём закипела. Он даже немного подпрыгивал, шевеля трубой, вставленной в душник². Саша сполоснула заварочный чайник кипятком, насыпала листьев копорского³ чая и залила до трети чайника кипятком, закрыла крышкой и накрыла бабой⁴.

Девочка подождала некоторое время и долила чайник доверху. Приготовила две чашки с блюдцами и гранёный стакан с подстаканником. Налила немного заварки в одну чашку и долила кипятком из самовара. Подала бабушке.

– Саша, глызку⁵ мне отколи.

Девочка захватила сахарными щипцами край глызы, отколола кусочек и подала. Бабушка налила чаю в блюдце, подняла его пятью растопыренными пальцами снизу, положила глызку на язык, вытянула губы и стала медленно тянуть горячий настой, издавая при этом специфический звук. Старики любили пить чай вприкус. Они могли по два-три стакана или чашки чая выпить с одной глызкой. «Колотая глызка слаще и по-тиху тает, – говорила бабушка. – Лучшее угощение и утешение мне – горяченький чай с глызкой, аль с лапмпасьём⁶».

Саша налила себе чаю в другую чашку. Стакан с подстаканником был для деда, он из другой посуды чай никогда не пил. Девочка пила чай в накладку, токмо по заведённой в доме традиции в накладку использовали не сахар, а песок. Он был дешевле,

² Душник – отверстие в печи для самоварной трубы.

³ Копорский чай – кипрей или иван-чай, назван по балтийской крепости Копорье.

⁴ Баба – грелка с широкой юбкой и головой женщины наверху, надевается на чайник.

⁵ Глызка – отколотый кусочек сахара.

⁶ Лапмпасьё (монпасьё) – леденцы.

¹ Костить – ругать.

и купить его было проще. Настоящего кускового сахара нынче было не сыскать, и бабушка берегла его как зеницу ока.

Саша положила две ложечки сахарного песка и размешала, весело позванивая ложкой. Подняла холстину с блюда. Бабушкины шаньги были самыми вкусными: на тонкой дрожжевой основе, с зажаристой корочкой картофеля, смазанные сверху солёным сливочным маслом. Они буквально таяли во рту. Саша могла съесть таких шанежек целую горку и не остановиться.

Справившись с двумя шанежками, Саша взглядом зацепилась за стакан с подстаканником и вспомнила про дедушкину просьбу: «Пинагор, пинагор».

За этим загадочным, почти сказочным названием скрывалась совершенно невзрачная рыба, которая водилась в Белом море. Иногда эта рыба попадала в сети к папе и дедушке. Саша видела её не один раз.

Тело рыбы высокое, толстое, сжатое с боков. Брюшко снизу как плоскодонка¹. На английском название этой рыбы так и звучит – «рыба-шишка», или «рыба-глыба». Но научное название – «пинагор». А в Скандинавии их называют «кусающимися камнями», что очень точно подходит к внешности этой рыбы. Голова могучая, по переду и сбоку четвериком². Огромный рот с мелкими гурьеватыми³ зубами, губы толстые.

Такие зубы нужны, чтобы разгрызать добычу, так как в пищу пинагора идут медузы, гребневики, черви, ракообразные, личинки и молодь рыб. Большую часть жизни рыба проводит на дне, на глубине от пятидесяти до двухсот метров. Пинагор сливается с камнями, присосавшись к ним при помощи присосок на животе. Чешуи у рыбы нет, но кожа очень толстая, хрящевидная, покрытая бугорками. Вдоль тела тянутся ряды костяных шипов, похожих на бляшки: один вдоль спинного гребня, по два – на боках и два по краям брюха. Дедушка рассказывал, что поморы ещё совсем недавно выделява-

ли толстую кожу пинагора и шили из неё обувь.

Спинных плавников у пинагора два: первый спрятан под толстым слоем кожи и при движении работает как киль лодки. Это придаёт силуэту рыбы сходство с колуном, повернутым лезвием вверх. Остальные плавники, за исключением брюшных, большие, лопастевидные, закруглённые по краям, поэтому эта примета и дала семейству пинагоровых название «круглопёрые». Брюшные же срослись между собой в виде присоски.

Лежит такая шишка на дне, присосавшись к камню, и смотрит на окружающий водный мир большими, выпуклыми, как у лягушки, глазами. А ещё очень сильно ощущает любые самые малейшие колебания воды боковой нервной линией. Всё, что проплывает мимо рта такой глыбы, оказывается в её толстом брюхе.

Так и живёт эта рыба глубоко в море, пока не станет взрослой, что происходит через четыре-пять лет после рождения. Причём самцы взрослеют быстрее, чем самки.

В конце мая – начале июня самка, повзрослев и став невестой, устраивает смотрины. Сама она цвет не меняет: тёмно-синяя сверху с постепенным переходом к синему и зеленовато-бирюзовому на брюшке. А вот женихи разительно меняются: из серо-голубого они становятся сине-чёрными с серебристыми пятнами на боках, горло, брюшко, присоска и все плавники – жёлто-оранжевые, с переходом в малиново-коричневый цвет.

Кандидаты в женихи вертятся вокруг невесты, стараясь понравиться. Выбрав самого шустрого, самка уводит его из глубины на мелководье. Дождавшись отлива, она откладывает на урезе воды икринки. Клейкая мелкая икра жёлто-оранжево-малинового цвета слипается в рыхлые комки и прикрепляется на чевруй⁴. От этого серые камни играют каледойскопом ярких пятен. Жених тут же покрывает икру своим молóком.

¹ *Плоскодонка* – рыбацья речная лодка с плоским дном.

² *Четверик* – квадратный в плане.

³ *Гурьеватый* – образовано от слова «гурий» – опознавательный знак конусообразной формы, сложенный из камней на берегу моря.

⁴ *Чевруй* – мелкий камень, окатанный волной.

После нереста молодая сразу теряет всякий интерес к своему возлюбленному и уходит в глубину, чтобы приготовить новую порцию икры и найти нового возлюбленного.

А жених? А он остаётся рядом с икрой, охраняя её от врагов. В деревне ещё её кличут «рыба-воробей». Это название пинагор получил не за свой внешний вид, а за задиристый характер. При появлении любого врага, даже гораздо более могучего, папа по-геройски без колебаний набрасывается на захватчика с неожиданной яростью и бесстрашием. Так сильно он любит своё потомство и защищает его.

Его забота о потомстве так сильна, что он не отходит от икринок даже при куйпоге¹. В это время из воды видны его спина и бока. Чтобы икра не обсохла и не погибла, он ртом брызгает на неё воду или плещет хвостом.

И так долгих два месяца, в зависимости от того, какое лето: тёплое или холодное. Ныне лета чаще всего холодные бывают, потому личинки вылупляются поздно. Папаша в это время практически ничем не питается, ослабевает настолько, что может очень рано погибнуть. Самцы пинагора всегда живут значительно меньше, чем самки.

После того, как молодые пинагоры вылупятся, заботливый отец уводит их чуть глубже, но они всегда остаются на мелководье, греясь на прибрежных камнях. Питаются мальки планктоном.

А жизнь у них трудная. В воде их подстерегают хищные рыбы, и только защитный окрас и храбрый папа помогают спастись. Сверху летают ненасытные чайки. Те сколько рыбы не поймают, всю сожрут. Отец внимательно следит за небом и при первых признаках опасности предупреждает дитятков. Самому-то ему всё нипочём: толстая кожа и бляшки спасут от любого

врага, кроме самых кровожадных: белухи и зубатки, но те на мелководье не заходят.

И только в сентябре, когда оставшаяся в живых молодёжь вырастает до двух-трёх сантиметров, отец уводит её в море. Плавают мальки ещё совсем плохо, поэтому при помощи своих присосок они крепятся к папаше или к водорослям, если их отец погибает, и так перемещаются по морю. Молодые пинагоры долго живут с отцом и уходят от него только на следующее лето.

Довольный отец ищет себе новую пару, чтобы снова ещё один год заботиться о своих малышах. И так из года в год. Папа заботится о малышах, а мамаша жирок нагуливает в глубине, лишь несколько раз в июне выбираясь на мелководье, чтобы доставить радость новоявленному отцу.

Именно в это время пинагоры, двигаясь к берегу, попадают в сети. Дедушка с гордостью приносил их домой. У жирных алых самцов было очень плотное мясо. Если его запечь в русской печи в ладке², то скусней³ ничего не бывает, пальчики оближешь. В ладке сок рыбий не выпреет, при рыбе останется. Потом ещё всю жидкость с ладки хлебом мочком съешь.

У самок не мясо, а икра очень вкусна. Иной раз у одной самки до полкило икры бывает. Подсолишь её, в тепле поддержишь часик, и уже можно вкушать. Икринки мелкие, свеженькие, во рту лопаются, а вкус какой! Словами не передать, тут только самому пробовать надо.

В Сашиной семье икру пинагора очень любили. Но в последние годы то ли по причине изменения климата, то ли по вине загрязнения моря, то ли из-за другого чего пинагор попадался крайне редко.

Девочка сидела за столом и думала думу: как бы ей добыть икру пинагора для любимого дедушки?

(Продолжение следует...)

¹ *Куйпога* – сильно малая вода (отлив).

² *Ладка* – глиняное удлиненной формы блюдо с краями для жарки рыбы и овощей.

³ *Скусней* – вкусней.